

нія,—и на штурмъ въ атаку противъ всего, чѣмъ вы живете, противъ всѣхъ устоевъ вашей жизни!

Почитаніе Толстого въ величайшей степени словесное, разговорное, бумажное. Три четверти тѣхъ, кто говоритъ о Толстомъ съ одушевленнымъ восторгомъ,—*курить и пить*, т. е. совершенно игнорируетъ всѣ толстовскія мысли о пьянствѣ и куреніи. Девять изъ десяти считаютъ глупой сантиментальностью всѣ слова Толстого о воздержаніи и цѣломудріи. Девяносто изъ ста пренебрегаютъ запретомъ имѣть собственность и отбывать воинскую повинность и завѣтами жить на землѣ, питая и одѣвая себя трудами рукъ своихъ. Получается лицемѣрибѣйшее положеніе. Шумомъ славы заглушаютъ *голосъ* Толстого, не слушая, *что* онъ говоритъ. Журналисты, адвокаты, доктора, которыхъ Толстой съ глубокимъ убѣжденіемъ считаетъ шарлатанами и туеядцами, присоединяютъ свой голосъ къ общему хору. И рѣдко кто хочетъ отнестись къ Толстому какъ къ живому человѣку, съ искреннимъ вниманіемъ къ тому, что онъ, Толстой, думаетъ и говоритъ, чѣмъ онъ, Толстой, мучится и живетъ.

Еще менѣе настоящую славу Толстого можно искать въ тѣхъ (впрочемъ немногочисленныхъ) *последователяхъ* Толстого, которые, пренебрегая *личностью* Толстого и *божымъ* даромъ его художественнаго генія, пытаются осуществить *букву* его религіозно-философскаго ученія. Слишкомъ очевидна несоизмѣримость Толстого съ толстовствомъ. Самому Толстому стало невозможно отъ толстовцевъ и онъ два раза заявилъ о своемъ различіи отъ толстовства. „Мнѣ жаль *расходиться съ вами во мнѣніи*,—пишетъ онъ Толстовскому Обществу въ Манчестерѣ,—*но я не могу думать иначе*“. И въ дневникѣ онъ пишетъ о толстовцахъ: „Какъ (могутъ они) спрашивать, куда плыть, когда потокъ съ неотразимой силой влечетъ *меня по радостному для меня направленію*? Люди, которые подчиняются одному руководителю, вѣрятъ ему и слушаютъ его, *несомнѣнно бродятъ впотьмахъ* вмѣстѣ со своимъ руководителемъ“.

Признаніе Толстого, словесное и лицемѣрное со стороны большинства, узкое и ограниченное со стороны „толстовства“, не согрѣваетъ, не вдохновляетъ, какъ та истинная добрая слава, слава у Бога, о которой говоритъ ап. Павелъ и видѣніемъ которой ослѣплялись первые христіане-мученики. Толстой давно предчувствовалъ этотъ ужасающій холодъ всеобщаго признанія. „Ну, хо-